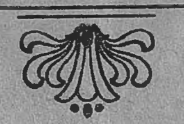
Б. М. ЛЯПУНОВЪ.

Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ.

(Пособіе къ лекціямъ по исторіи русскаго языка).

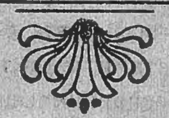

ОДЕССА.
Типографія Южно-Русскаго Просвѣтительнаго Об-ва, Александровскій пр., 11.
1919.

Б. М. ЛЯПУНОВЪ.

Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ.

(Пособіе къ лекціямъ по исторіи русскаго языка).

ОДЕССА.
Типографія Южно-Русскаго Просвѣтительнаго Об-ва, Александровскій пр., 11.
1919.

Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ.

Что такое русскій языкъ? Прежде всего это языкъ, обычно употребляемый въ рѣчи образованныхъ классовъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ русскаго государства, обработанный литераторами и учеными русскими, изучаемый въ русскихъ школахъ, т. е. съ одной стороны языкъ „обще-русскій" разговорный, съ другой—русскій государственный и литературный. Такой языкъ имѣетъ своимъ идеаломъ единство, достигаемое до извѣстной степени путемъ школы, по крайней мѣрѣ въ книгѣ, но всегда страдающее невольными отступленіями въ живой рѣчи. Эти послѣднія объясняются тѣмъ, что „*русскій* языкъ" долженъ быть понимаемъ и въ другомъ смыслѣ, а именно, какъ живой языкъ многомилліоннаго, какъ исконно-русскаго, такъ и усвоившаго себѣ его путемъ воспріятія русской культуры инородческаго населенія. Этотъ живой языкъ въ своей внѣшней формѣ, т. е. звукахъ, формахъ склоненія и спряженія, и въ словарѣ, тѣмъ болѣе разнообразится, чѣмъ менѣе носители его подвержены вліянію русскаго литературнаго и государственнаго языка, чѣмъ менѣе они грамотны. Этотъ живой языкъ слышится и произносится на огромномъ пространствѣ бывшаго русскаго государства въ Европѣ и Азіи и за предѣлами его въ восточной Галиціи, сѣверо-восточной Венгріи и сѣверной Буковинѣ, мѣстами сплошь (въ особенности въ центральной Россіи, въ бассейнахъ верхней Волги, Оки, Дона, Днѣпра), мѣстами рядомъ или среди иноязычнаго населенія, лишь частію воспринимающаго кромѣ своей родной и русскую областную и государственную рѣчь (въ особенности въ Сибири, сѣверо-восточныхъ, восточныхъ и сѣверо-западныхъ губ. Европейской Россіи, въ Бессарабіи, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Средней Азіи). Согласно только что сказанному, этотъ слышимый на большомъ пространствѣ живой русскій языкъ неграмотнаго и полуграмотнаго населенія естественно, какъ и всякій живой языкъ, распадается на множество говоровъ, которые по большему или меньшему сходству между собою могутъ быть объединяемы

въ группы, называемыя обычно нарѣчіями и поднарѣчіями. Такимъ образомъ, языкъ мы дѣлимъ на нарѣчія, нарѣчіе на поднарѣчія, поднарѣчіе на говоры.

Необходимо замѣтить, что какъ русскій народъ вмѣстѣ съ болгарами, сербами, словѣнцами, чехами, словаками, поляками, кашубами и лужичанами составляютъ одну группу народовъ словянскихъ, такъ и русскій языкъ вмѣстѣ съ языками указанныхъ народовъ входитъ въ большую группу языковъ словянскихъ. Сходство словянскихъ языковъ между собою, тѣмъ большее, чѣмъ болѣе вглубь вѣковъ проникаетъ наше изслѣдованіе ихъ, а въ особенности отношеніе ихъ къ языку древне-церковно словянскому (старословянскому), какъ древнѣйшему письменному свидѣтелю о словянской рѣчи, дало право изслѣдователямъ сдѣлать выводъ объ общемъ происхожденіи всѣхъ этихъ языковъ изъ одного общаго языка-предка, называемаго нами языкомъ „праслованскимъ“ (по нѣмецкой терминологіи „Urslavische Sprache“, по французской „Langue slave commune“). Можно думать, что такой „общесловянскій“, еще не распавшійся, лишь съ незначительными діалектическими варіаціями, языкъ слышался на небольшомъ пространствѣ гдѣ-нибудь въ предѣлахъ нынѣшней западной Россіи приблизительно около 2000 лѣтъ тому назадъ.

Но не слѣдуетъ обольщаться мыслью, что общее происхожденіе языковъ свидѣтельствуетъ всегда объ общности происхожденія народовъ: въ исторіи не мало примѣровъ воспріятія народами чужихъ языковъ, то побѣдителей, то побѣжденныхъ, вообще языковъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Мы знаемъ, что древніе галлы приняли языкъ римскихъ колонистовъ, а романизованные галлы въ свою очередь передали свой романскій языкъ покорившимъ ихъ франкамъ германскаго племени, причемъ, и воспринимающій народъ оставляетъ извѣстные слѣды своего прежняго языка то въ произношеніи, то въ формахъ, то въ словарѣ.

Въ словянскомъ мірѣ наиболѣе яркій примѣръ такого воспріятія не словянами словянскаго языка покореннаго ими и частью смѣшавшагося съ ними словянскаго населенія представляютъ болгары, по происхожденію тюрки, остатки которыхъ извѣстны въ русской исторіи дотатарскаго періода по берегамъ Волги близь впаденія Камы. Восточные (русскіе) словяне путемъ колонизаціи распространили свой языкъ среди финскихъ инородцевъ, нѣкогда сплошными массами населявшихъ сѣверо-востокъ, а въ болѣе древнее время и центръ нынѣшней Европейской Россіи.

Съ другой стороны, масса словянскаго населенія онѣмечилась, принявъ нѣмецкій языкъ по нижнему теченію Эльбы и по берегамъ Балтійскаго моря, а также въ нынѣшней Каринтіи и Штиріи, значительная часть омадьярилась въ Юго-Западной Венгріи (древней Панноніи IX-го вѣка). Однако, прививая свой языкъ словянамъ, и нѣмцы и особенно мадьяры (венгры) заимствовали немало словъ словянскихъ. То же надо сказать и о румынахъ потомкахъ римскихъ колонистовъ въ Дакіи и Македоніи.

Возвращаясь къ вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ русскаго народа и русскаго языка, мы прежде всего должны указать, что уже въ первые вѣка нашей эры началось распаденіе единаго словянскаго народа и праcловянскаго языка. Минуя всѣ гадательныя предположенія акад. Шахматова [1]) о первой болѣе сѣверной — прибалтійской и второй привислинской прародинахъ словянъ, мы можемъ считать несомнѣннымъ, что въ VI вѣкѣ по Р. Х. не только не было словянскаго единства, но что словяне уже успѣли осѣсть приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ застаетъ ихъ исторія въ IX-омъ вѣкѣ, когда всѣ они уже выступаютъ подъ своими особыми именами. Византійскій писатель VI-го вѣка Прокопій говоритъ о словѣнахъ, перешедшихъ за Дунай на Балканскій полуостровъ, и объ Антахъ, ихъ восточныхъ сосѣдяхъ. Въ послѣднихъ, сидѣвшихъ, по словамъ Прокопія, къ сѣверу отъ гунскихъ племенъ, занимавшихъ въ VI-омъ вѣкѣ берега Азовскаго и Чернаго морей, мы вслѣдъ за Шахматовымъ согласны признать предковъ русскихъ, восточныхъ словянъ, которые сидѣли до своего раздѣленія въ мѣстностяхъ нынѣшней Волынской и сѣв. ч. Кіевской г. Здѣсь, въ бассейнахъ рѣкъ Тетерева, Припети и праваго берега средняго теченія Днѣпра — до Южнаго Буга, мы можемъ предположить колыбель русскаго племени, откуда оно разселялось въ видѣ отдѣльныхъ племенъ, названія которыхъ сохранены русской лѣтописью, дающей ясное свидѣтельство, что уже въ IX-омъ вѣкѣ было не одно, а нѣсколько русскихъ племенъ на довольно значительномъ пространствѣ: *Поляне* по правому берегу средняго течен. Днѣпра (въ нынѣшней Кіевской губ.), *Древляне или „Дерева“* къ сѣверо-западу отъ нихъ, въ сѣв. ч. Кіевской и м. б. въ смежныхъ частяхъ нынѣшнихъ Минской и Волынской г., *Дреговичи* въ

---

[1]) Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, Петроградъ 1916, с. 19—42, также въ изданной Отдѣленіемъ Русскаго яз. и слов. И. А. Н. Энциклопедіи слав. филол., вып. II, с. XII—XVI.

нынѣшней Минской между р. Припетью*) и Двиною, *Кривичи* по верховьямъ Двины, Волги и Днѣпра, еще сѣвернѣе, по Волхову и озеру Ильменю *Словѣне*; по лѣвую сторону Днѣпра лѣтописецъ называетъ „*Сѣверъ*“ (сѣверянъ) по Деснѣ, Сулѣ и Семи (въ нынѣшней Черниговской и Полтавской г.), *Радимичей* между Днѣпромъ и Сожемъ (въ Могил. г.), *Вятичей* по среднему теч. Оки; справа отъ Днѣпра *Дулѣбовъ* и *Бужанъ* по южному Бугу, а *Уличей* и *Тиверцевъ* въ самыхъ южныхъ предѣлахъ между устьями Днѣстра и южнаго Буга. Какъ бы ни были незначительны различія въ языкѣ этихъ племенъ, несомнѣнно, что на столь значительномъ пространствѣ уже тогда существовало множество говоровъ, которые различались оттѣнками произношенія гласныхъ и согласныхъ (на сѣверѣ было смѣшеніе *ц* и *ч*, произношеніе *г* какъ латинск. g, на югѣ рано произносилось h), но не эти различія обусловили позднѣйшее раздѣленіе русскаго языка на 3 или 4 нарѣчія. Можно сказать, что по XI-ое столѣтіе существовалъ единый общерусскій праязыкъ съ незначительными діалектическими варіаціями.

Въ X-омъ столѣтіи на Русь (сначала въ Кіевъ, а потомъ въ Новгородъ) проникаетъ съ юга словянскаго письменность, возникшая въ IX-омъ в. трудами братьевъ Константина и Меѳодія на языкѣ южно-македонскихъ словянъ, причисляемыхъ по лингвистическимъ признакамъ къ словянамъ болгарскимъ. Русскій языкъ въ то время уже вполнѣ обособился отъ южно-словянскихъ и западно-словянскихъ языковъ, хотя различія не были еще столь значительны, чтобы затруднять пониманіе среди грамотныхъ русскихъ южно-словянскаго текста, читавшагося ими впрочемъ согласно съ звуками своего языка. Это видно изъ того, что уже въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, переписанныхъ русскими, мы видимъ проявленіе почти всѣхъ важнѣйшихъ отличій звуковъ и формъ, составляющихъ вмѣстѣ типъ русскаго языка въ отличіе отъ другихъ словянскихъ языковъ. Эти признаки до XII-го столѣтія являются общими для памятниковъ и русскаго сѣвера и руссскаго юга. Ак. Шахматовъ (Введеніе въ курсъ ист. рус. яз., 15—16) указалъ 12 такихъ признаковъ, общихъ русскому югу и сѣверу. Въ числѣ этихъ признаковъ есть общіе съ особенностями нѣкоторыхъ южныхъ и западныхъ словянскихъ языковъ, слѣдовательно они сами по себѣ безъ другихъ не характерны, но важны именно: 1) со-

*) Съ *е* пишется названіе этой рѣки въ древнѣйшихъ спискахъ.

вокупность этихъ признаковъ, ни въ одномъ изъ южныхъ и западныхъ словянскихъ языковъ не наблюдаемая, 2) присутствіе въ числѣ ихъ такихъ, которые нигдѣ кромѣ русскаго языка неизвѣстны.

Упомяну сначала признаки, общіе съ языками южно-словянскими. Таковы: 1) измѣненіе сочетаній *dl*, *tl* въ *l* (*мыло* изъ *—дло*, *вели* изъ *вед—ли*, *плели* изъ *плет—ли* и т. п. согласно съ такимъ же измѣненіемъ въ языкахъ старо-церковно-словянскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и словѣнскомъ, отлично отъ польскихъ и чешскихъ mydlo, wiedli, vedli, pletli и т. п.); 2)—сочетаній pj, bj, vj, mj въ pl', bl', vl', ml, (*люблю*, *земля, купля*... согласно съ языками сербскимъ и словѣнскимъ и наиболѣе древними памятниками старословянскими); 3) звуки *ч* и *ж* изъ смягченныхъ *т* и *д* (*хочю*, *свѣча*, *одежа*, *межа*, частію тожественно со словѣнскимъ, имѣющимъ въ тѣхъ же словахъ *ч*, а по шипящему элементу сходно и съ старословянскими *свѣшта, межда* и съ сербскими мягкими *чь, джь*, имѣющими особыя буквы въ сербской графикѣ, отлично отъ свистящихъ *c* и *dz*, *z* въ польскомъ и чешскомъ: svieca, miedza, meze); 4) звукъ *ч* изъ *кть* въ *ночь*, *печь*, и т. п. согласно съ такимъ же *ч* у словѣнцевъ и сходно съ соотвѣтствующимъ сербскимъ произношеніемъ *чь (ть)* и старослов. и болгарскимъ *ношть*, *пешть* (польск. и чешск. noc, piec...). Какъ признакъ, сходный съ разными и южно и западно словянскими языками, слѣдуетъ назвать 5) переходъ носовыхъ *о* въ *у*, *е* въ *а* (я): рука, дубъ, мука согласно съ такимъ же *у* въ языкахъ сербскомъ, чешскомъ, лужицкихъ, сяду, пять, мясо сходно по крайней мѣрѣ съ чешскимъ то *е*, то *а* въ *piet'*[1] *(петь)*, patý, maso..., но въ польскомъ сохранилось носовое произношеніе („*пенць*", «пёнты», „менсо").

6) Не особенно характерно *цв* и *зв* въ словахъ *цвѣтъ*, *звѣзда* согласно съ старо-словянскимъ, сербскимъ и словѣнскимъ языками, въ отличіе отъ польскихъ и чешскихъ *kv*, *gv*, *hv* въ *kwiat*, kviet[1], gwiazda, hviezda[1], такъ какъ и въ русскихъ говорахъ находимъ и *кв* въ малорусскомъ *квітка* и великорусскомъ *квѣлить*.

Признаки, общіе съ языками западно-словянскими (польскимъ и чешскимъ): 7) переходъ *or*—, ol—передъ согласными въ началѣ словъ въ ro—, lo—въ тѣхъ же словахъ, что и въ западно-словянскихъ яз. (*лодья*, *лодъка*, *локъть*, *ролья*, *розница*, *ровный*, сравн. польск. и чешск. *lo*—, *ro*—, въ тѣхъ же словахъ отлично отъ ст. слов. и сербск. *ла*, *ра* и т. п.); 8) переходъ

---

[1] Pět, květ, hvězda.

носового *ѣ*, которому въ старословянскомъ соотвѣтствуетъ юсъ малый, въ *ѣ* чистое согласно съ древнепольскимъ (род. ед. *дѣвицѣ*, *душѣ*, вин. мн. *мужѣ*, *конѣ*, сравн. др. польск. р. ед. winnic*e*, др. и новопольск. в. мн. kon*ie*).

Признаки, специально русскіе: 9) переходъ начальнаго *е* въ *о* (*о*зеро, *о*лень, *о*динъ, сравн. ст. слов. *е*зеро, *е*лень, сербск. *ј*езеро, јелень, један, польск. *j*ezioro, jeden...); 10) измѣненіе *е* и *ь* передъ *Л* въ концѣ слога въ *о* и *ъ* (прарусское **молко* изъ **мелко*, *вълкъ* изъ *вьлкъ*, откуда далѣе древнерусскія формы *молокó*, *вълкъ* и новорусскія *молокó*, *волкъ*, *молчать* изъ *мълчати* и т. п., при *млѣко* въ старослов., *mleko* въ польск., чешск. и др., *вльлкъ* старослов., *wilk*, *milczy* въ польскомъ); 11) полногласіе (*гóродъ* изъ прасловянскаго **gordъ*, *мордзъ* изъ **torgъ*, *бéрегъ* изъ **bergъ*, *берéза* изъ **berza*, *головá*, *жéлобъ*, *человѣкъ* и др., сравн. старослов. *градъ*, мразъ, брѣгъ, глава, чловѣкъ, серб. *грâд*, *мраз* и т. п., чешск. hrad, mráz, польск. gród, mróz, głowa, żłób=жлуб, człowiek...)—признакъ самый характерный для всего русскаго языка; 12) смягченіе полумягкихъ согласныхъ передъ гласными передняго ряда (*е*, *и*, *я*): *несу*, *тихо*, *сяду* произносились во всемъ древнерусскомъ языкѣ со вполнѣ мягкими *н*, *т*, *с*, какъ въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ великорусскомъ и бѣлорусскомъ. Можно было бы указать еще другіе признаки, общіе издревле и русскому сѣверу и русскому югу (напр. исконную мягкость шипящихъ, *ц* и тѣхъ *з* и *с*, которые получались на словянской почвѣ изъ *г* и *х*, каковы *з* и *с* въ *князь*, *весь*, исконную склонность *ъ* къ *о*, а *ь* къ *е* и друг.), такъ что число ихъ значительно больше 12, но довольно и указанныхъ для доказательства единства русскаго языка для времени до XII в.

Въ настоящее время русскій живой языкъ дѣлится на нарѣчія *великорусское*, *бѣлорусское* и *малорусское* [1]), при чемъ въ средѣ великорусскаго нарѣчія, обнимающаго губерніи сѣверныя въ бассейнахъ Великихъ Озеръ, Сѣверной Двины, верхней Волги и Камы, губерніи центральныя въ бассейнахъ правыхъ притоковъ Волги и юго-восточныя въ бассейнахъ Дона, средней и нижней Волги, а также въ Сибири, различаются поднарѣчія *сѣверно-великорусское* и *южно-великорусское*. Первое характеризуется большею устойчивостью древняго вокализма (сохране-

[1]) Названія эти простому русскому народу неизвѣстны и употребляются только образованными людьми, ср. академика А. И. Соболевскаго „Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое“ (Харьковъ, 1907), стр. 11.

ніемъ звука *о* безъ ударенія, напримѣръ, произношеніемъ в*о*д*а́*, ж*о*н*а́*, сё*л*о̀, м*ӣ*л*ой* и т. п., почему нарѣчіе это называется „окающимъ“; сохраненіемъ произношенія древняго *ѣ* отлично отъ древняго *е*), а въ консонантизмѣ произношеніемъ звука g въ словахъ „городъ“, „нога“ и т. п., обычно твердымъ *т* въ ф. 3 л. ед. и мн. ч. настоящ. вр. и діалектическимъ смѣшеніемъ *ц* и *ч* (съ XI стол.). Второе отличается сильно измѣнившимся вокализмомъ подъ вліяніемъ неударяемости (произношеніемъ съ XIV-го в. „*а*“, *я*“, въ словахъ, которыя мы пишемъ традиціонно съ буквами „*о*“, „*е*“, напр. в*а*да, ж*а*на, с*я*ло, б*я*ру и т. п.), сохраненіемъ мягкаго *т* въ окончаніяхъ формъ 3 л. ед. и множ. ч. настоящ. врем. *(бяруть)*, очень древнимъ (съ Хв.) произношеніемъ h вм. g: hалав*а́* (=голов*а́*), наh*а́* и т. п. Между сѣвернымъ, распространеннымъ въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Вятской, сѣверныхъ частяхъ Псковской, Московской, Владимирской и б. ч. Поволжья и Сибири (см. границы на „Діалектологической картѣ русскаго языка“, изданной въ 1916 г. московской Діалектологической комиссіей), и южнымъ, слышимымъ въ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и б. ч. Калужской, Воронежской, Курской, земли Войска Донского, частію въ южной части Пензенской и зап. ч. Саратовской, слѣдуетъ отмѣтить какъ переходную „средне-великорусскую“ полосу, центромъ которой является Москва и прилегающіе къ ней съ юга уѣзды Московской губерніи.

Эта средняя полоса по вокализму ближе къ южно-великорусскому, по консонантизму—къ сѣверно-великорусскому; здѣсь именно то умѣренное аканье при сохраненіи произношенія g въ словахъ „городъ“, „гора“ и т. п. и твердомъ *т* въ ф. 3 л. наст. вр., которыми отличается обычное произношеніе „общерусскаго“ языка.

Чѣмъ же обусловлено отнесеніе всѣхъ этихъ поднарѣчій и говоровъ къ нарѣчію великорусскому? Всѣмъ этимъ говорамъ свойственны слѣдующія подновленія въ звукахъ и формахъ, неизвѣстныя древне-русскому языку и другимъ русскимъ нарѣчіямъ, объединившія со времени слiянія въ одномъ Московскомъ Государствѣ два ранѣе совершенно различныя между собою нарѣчія —*сѣверно-русское* (говоры потомковъ древнихъ „кривичей“ и ильменскихъ „словѣнъ“) и восточно-русское (говоры „вятичей“ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ „сѣверянъ“): 1) *о* изъ древняго *ы*,

е изъ *і* въ положеніи передъ *й* (і), *я* (йа), *е* (йе), *ю* напр. „дорог*о́й*“, „молод*о́й*“, „м*о́ю*“, „кр*о́ю*“, „ш*е́я*“ изъ др. русскихъ „друг*ый*“, „молод*ый*“, „м*ы*ю“, „кр*ы*ю“, ш*и*я“, что явилось не ранѣе XIV-го столѣтія, 2) „кр*о*ви“, „кр*е*ста“ из кръви, кр*ь*ста, 3) к, g (или h), х въ формахъ склоненія и спряженія вмѣсто древнихъ *ц*, *з*, *с*, напр. „*рукѣ*“, „*ногѣ*“, „сохѣ“, „пеки“, „стереги“ и т. п., явившееся съ XI по XIV столѣтіе, 4) утрата формъ símat. пад. въ сѣв. русск. (съ XIII вѣка), 5) замѣна формъ им. вин. п. двойственнаго чис. формами род. п. ед. и мн. ч. („два бе́рега“, „двѣ рук*и́*“, „два кольца́ золотыхъ“) въ московскихъ грамотахъ съ XIV-го стол., 6) имен. вин. множ. ч. муж. р. въ словахъ съ измѣнчивымъ удареніемъ на *а* („берега́“, „бока́“, „города́“, „глаза́“, „рога́“), появившійся въ словахъ съ парнымъ значеніемъ („рога́“) и въ собирательныхъ („господа́“) очень давно, но не существовавшій во многихъ словахъ даже въ московскомъ языкѣ XVII в. (въ Уложеніи царя Алексѣя Мих. 1649 г. „го́роды“), а у нѣкоторыхъ писателей даже въ XIX-омъ (у Гоголя обычно „домы“). Къ этому слѣдуетъ прибавить нѣкоторую, отличную отъ другихъ нарѣчій, общность словаря: 1) частицу „если“, 2) слова „изба“ (изъ др. русск. „истъба“), „пахать“ вм. „орать“, „соха“, „лошадь“ (изъ татарскаго „алоша“) вм. „конь“. Если мы обратимъ вниманіе на всѣ эти типичныя общерусскія черты, ставшія достояніемъ и „общерусскаго“ и русскаго литературнаго языка, то убѣдимся, что оба великорусскихъ поднарѣчія связаны между собою не древними, а новыми, явившимися частію не ранѣе XIII—XIV стол., частію гораздо позднѣе особенностями, и что наоборотъ нѣкоторыя мѣстныя черты говоровъ гораздо древнѣе: древнее произношеніе *ѣ* въ нѣкоторыхъ сѣв. говорахъ, древнее смѣшеніе *ц* и *ч* (съ XI в.), южно-великорусское h, сходное съ произношеніемъ (вмѣсто g) въ бѣло-русскомъ и малорусскомъ, можетъ быть, уже съ X-го вѣка, такъ какъ Константинъ Порфирогенетъ передаетъ старослов. прагъ въ произношеніи южноруссовъ черезъ *прах*; очень древне *ть* въ ф. 3. л. глаголовъ, ибо за него стоитъ вся древняя русская письменность до конца XIV в.; южно-великорусское *аканье* мы должны признать также древнѣе общихъ великорусскихъ чертъ, ибо то же аканье характеризуетъ западно-русское нарѣчіе (бѣлорусское) и, хотя опредѣленныя указанія на это явленіе мы находимъ лишь въ памятникахъ XIV-го столѣтія, нѣкоторые намеки на него мы рѣшаемся видѣть уже въ Смоленской грамотѣ 1229 г.

Бѣлорусское нарѣчіе [1]), обнимающее говоры губерній Минской, Могилевской, Витебской, частію Виленской, Смоленской и Черниговской, отдѣляется отъ великорусскихъ переходными полосами въ южной части Псковской и Тверской губерній и юго-восточныхъ у. Смоленской, западныхъ Калужской и частію Орловской губ. Характеризуется оно, кромѣ общихъ съ южно-великорусскимъ нар.аканья и произношенія һ и мягкаго *ть* и *ць* въ 3 л. глаг., частію древними чертами, общими съ обоими великорусскими (сохраненіемъ разницы между *ы* и *и*, мягкимъ произношеніемъ согласныхъ передъ древн. *е* и *и*), частію архаическими чертами, общими съ малорусскимъ (сохраненіемъ *ы*, *и* передъ гласными въ словахъ „свят*ы*й“, „м*ы*ю“,—разницы „кр*о*в“, „глотка“ и „кр*ы*ви“, „гл*ы*тать“ изъ древнерусскихъ „кръви“, глътати, сохраненіемъ *ц*, *з* въ ф. „ру*ц*ѣ“, „на*з*ѣ“, сохраненіемъ формъ дв, ч. и зват. пад., древнихъ формъ повелит. „нес*ѣ*те“, „нес*ѣ*мо“, древнихъ формъ вин. мн, на *ы* и др. т. п.), частію болѣе новыми, общими съ малорусскимъ, каково измѣненіе *в* и твердаго *л* передъ согласными и частію в концѣ словъ въ *у* неслоговое (произносится „крбу“, „любо́у“ вм. „кровь“, «воук», „шо́у“ вм. «волкъ», «шелъ»), частію новыми, характерными спеціально для бѣлорусскаго, каковы отвердѣніе всякаго мягкаго *р* («мора», «варо́ный», «гара̀чи» вм. «моря», «варѐный», «горячій» и т. п.), извѣстное только нѣкоторымъ (сѣвернымъ) говорамъ малорусскимъ, и произношеніе мягкихъ *д* и *т* какъ *дзь ць*, извѣстное въ очень немногихъ говорахъ великорусскихъ, но весьма характерное для польскаго языка, западнаго сосѣда бѣлоруссовъ. Замѣтимъ, что эти двѣ черты постепенно исчезаютъ въ пограничныхъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ мѣстностяхъ.

Малорусское нарѣчіе, обнимающее губерніи Кіевскую, Полтавскую, Волынскую, Подольскую и б. ч. Харьковской, Екатеринославской и Херсонской, южные уѣзды Черниговской, Курской и Воронежской, область Кубанскую и часть Донской, части губ. Гродненской и Люблинской, восточную Галицію, многія мѣстности сѣв. Венгріи и Буковины, отличается отъ прочихъ только двумя или тремя чертами фонетики: 1) измѣненіемъ *о* и *е* въ слогахъ закрытыхъ, т. е. оканчивающихся на согласный, вслѣдствіе утраты за нимъ бывшихъ въ прарусскомъ яз. гласныхъ *ъ* или *ь*,

---

[1]) Лучшее изслѣдованіе о бѣлорусскомъ нарѣчіи и бѣлоруссахъ принадлежитъ академику Е. Ѳ. Карскому (многолѣтній трудъ „Бѣлоруссы“ съ 1903 по 1916 г.г.).

при чемъ въ сѣверномъ поднарѣчіи малорусскаго *о* въ такомъ положеніи (разумѣется не только старое *о* общесловянское, но и *о* изъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ въ такихъ словахъ, какъ „жонка“, „нёсъ“) измѣнилось въ дифтонгъ *уд* (близко къ франц. *oi*), *е* въ *іе* (франц. *уе*, *іе*) и совпало такимъ образомъ съ древнимъ *ѣ*; въ южномъ поднарѣчіи то и другое дало *і*, вполнѣ смягчающее предшествующіе зубные согласные, хотя въ болѣе архаическихъ западныхъ говорахъ отличаются болѣе мягкими *н* и *т* слова „нїс“, „тїк“ въ значеніи „нёсъ“, „тёкъ“ (=сѣв. малорус „нюос“, „тюок“), совпадая съ произношеніемъ этихъ согласныхъ передъ древнимъ *ѣ* („німець“, „тіло“), чѣмъ „ніс“, „тік“ въ знач. „носъ“, „токъ“ (=сѣв. мар. „нуос“, „туок“). 2) Отвердѣніемъ согласныхъ передъ древними *е*, *и* (і), что́ вызвало въ большинствѣ говоровъ (кромѣ карпатскихъ) 3) совпаденіе въ одномъ среднемъ звукѣ древнихъ *и* и *ы*: „не“, „тебе“ (ф. род ед.), „несу“ (произноси *нэ*, *тэ*), „тихо“ и „тин“ (изъ древн. „тынъ“), „син“ (=„сынъ“) и „сивый“ (=„сивый“). Остальныя особенности звуковъ не типичны, ибо встрѣчаются или въ бѣлорусскомъ (разница между „кров“=„кровь“ изъ древнерус. „кръвь“ и „кр*и*вавий“ =„кр*о*вавый“ изъ др. рус. „кръвавый“, формы „молод*ий*“, „свят*ий*“, „стар*ий*“, „кр*и*ю“ изъ древ. р. „молод*ый*“, „свят*ый*“, „стар*ый*“, „кр*ы*ю“, болѣе новое *в* или *у* изъ твердаго *л*: „вовк“, „шов“, произношеніе h вмѣсто g и др.), или въ сѣверно-великорусскомъ (сохраненіе древнерусскаго *О* безъ ударенія: „в*о*да“, ж*о*на“, діалектич. *в* изъ *л*). Древнія морфологическія черты(ф. зват. ед. ч., двойст. ч.,повел., оконч. I л. множ. наст. вр. и повелит. на-*мо*,формы личныхъ мѣстоименій въ дат. мѣстн. п. п. „тобі“,„собі“) также общи частію съ бѣлорусскимъ, частію съ южновеликорусскимъ (южновеликорус. и бѣлорус. „табѣ“, „сабѣ“ изъ общихъ древнерусскому до XIV в. „тобѣ“, „собѣ“). Можно считать характернымъ образованіе формы будущаго изъ инфинитива и ф. глагола „иму“: „ходитиму“, „носитиму“, замѣнившей древнерусскія „ходити имамь“ и т. п., сравните франц. „j'irai“, „je porterai“ изъ древнихъ „ego irē habeo“, „ego portare habeo“. Кромѣ сохраненія древнерусскихъ чертъ и подновленій, встрѣчающихся и въ другихъ нарѣчіяхъ, три указанныя выше черты малорусской фонетики по памятникамъ неизвѣстны ранѣе XII-го вѣка, если не считать сомнительныхъ примѣровъ постановки буквы *ы* вм. *и*, которая можетъ быть въ сборникахъ Святослава 1073 и 1076 г.г. отнесена и на счетъ южно-словянскаго оригинала этихъ памят-

никовъ, при чемъ главная изъ этихъ чертъ встрѣчается лишь въ памятникахъ второй половины XII-го вѣка. Такимъ образомъ, зачатки главныхъ отличій малорусскаго языка появились не ранѣе XII-го вѣка, при чемъ ничто не препятствуетъ предками малоруссовъ считать не только лѣтописныхъ бужанъ, уличей и тиверцевъ, но и полянъ, деревлянъ и даже лѣвобережныхъ сѣверянъ, ибо большая часть памятниковъ второй половины XII вѣка (съ 1164 г.), имѣющихъ указаніе на дифтонгизацію *е* (написанія буквы *ѣ* вмѣсто *е* въ словахъ „кам*ѣ*нь", „з*ѣ*лье", „п*ѣ*щь" и т. п.), честь открытія которыхъ принадлежитъ академику Соболевскому, не имѣетъ точнаго указанія мѣстности, гдѣ они написаны.

Мы видѣли, что общевеликорусскій типъ является еще болѣе позднимъ (его сложеніе совершалось отъ XIII до XVII-го столѣтія). Едва ли не еще болѣе позднимъ является окончательное образованіе бѣлорусскаго нарѣчія: отвердѣніе *р* изрѣдка появляется уже въ памятникахъ западно-русскаго письма XII—XIII в., см. Лекціи по исторіи русскаго языка ак. Соболевскаго, с. 140, но несомнѣнные примѣры этого явленія въ западно-русскихъ грамотахъ отмѣчены акад. Карскимъ, Бѣлоруссы, II, 383, лишь съ послѣднихъ годовъ XIV-го столѣтія и часто только въ актахъ и памятникахъ XV—XVI в., *дз* вм. *д*, *ц* вм. *т*. лишь въ памятникахъ XVI в. Предками бѣлоруссовъ мы должны считать древнихъ *дреговичей*, *радимичей*, а въ пограничныхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ также *кривичей*, на югѣ—продвинувшихся до Припети и за Припеть *древлянъ*, при чемъ потомки кривичей дали типъ переходный къ великорусскому, потомки древлянъ—переходный къ малорусскому. Кромѣ того не лишено вѣроятія и вліяніе вятичское, которое сказалось въ общемъ съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ аканіи, если согласиться съ выводами акад. Шахматова о древнихъ поселеніяхъ вятичей на юго-востокѣ, въ бассейнѣ Дона, и постепенномъ продвиженіи ихъ на сѣверо-западъ въ область верхняго теченія Оки и далѣе въ область *радимичей*, которыхъ лѣтописецъ считаетъ переселенцами отъ „ляховъ", т. е. изъ области поселенія польскихъ славянъ.

Самыя названія „великая", „малая" и „бѣлая", какъ и „черная" („nigra"), „червоная" („rubra") Русь [1]) не ранѣе XIV-го

[1]) Напомнимъ, что пришедшее изъ Скандинавіи черезъ финновъ имя Русь (Ruotsi) въ древности (до XIЦ-го в.) пріурочено было только къ южной, Кіевской области.

столѣт. и имѣли первоначально чисто географическое значеніе, при чемъ „Малая Русь“ имѣла ограниченное значеніе Галицко-волынской земли. Замѣтимъ, что очень рано (въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1187 г.) встрѣчается и названіе Украина: о смерти переяславскаго князя Володимира Глѣбовича сказано, что „о немъ же Оукраина много постона“. Но это названіе имѣло значеніе лишь пограничной съ областью степныхъ кочевниковъ мѣстности. Такой и было древнее Переяславское княжество, колонизованное, вѣроятно, сѣверянами, а позднѣе такъ назывались окраины Московскаго государства въ нынѣшнихъ Курской и Воронежской губ., которыя отодвигались на югъ по мѣрѣ продвиженія сторожевыхъ укрѣпленій для защиты отъ нападенія кочевниковъ. Хотя и названіе „малорусскій“ въ смыслѣ общаго термина для всей области распространенія этого языка неточно, но перенесеніе его на болѣе восточныя мѣстности лѣвобережной поднѣпровской области по крайней мѣрѣ въ XVII в. (въ московскихъ грамотахъ) оправдываетъ его употребленіе въ качествѣ научнаго термина. Что же касается термина „Украинскій“, то его можно считать примѣнимымъ лишь къ области южно-малорусскаго поднарѣчія, и распространеніе его до степени общаго объясняется лишь: 1) тѣмъ, что южное поднарѣчіе раньше получило художественную литературную обработку въ произведеніяхъ полтавца Котляревскаго, харьковца Квитки-Основяненка, уроженца южной части Кіевской губ. талантливаго поэта Шевченка и другихъ, 2) тѣмъ, что съ 1860-хъ г.г. въ Галиціи рядомъ съ старорусскимъ направленіемъ началось движеніе такъ называемыхъ „народовцевъ“, стремившееся пересадить украинскую литературу съ ея новымъ фонетическимъ правописаніемъ Кулиша въ Галицію, 3) поддержкой этого движенія со стороны австрійскаго правительства, опасавшагося развитія русскаго самосознанія у галицкихъ малороссовъ, въ прошломъ столѣтіи называвшихъ себя только „руськими“, а языкъ свой „руськимъ“ (это видимъ не только у поборника принятія русскаго литературнаго языка, придерживавшагося этимологическаго правописанія даже при изданіи народныхъ пѣсенъ Я. Ѳ. Головацкаго, но и у приверженцевъ идеи созданія литературы на чисто народномъ языкѣ, какъ филологъ Эм. Огоновскій, какъ авторъ художественныхъ повѣстей изъ быта русскаго православнаго населенія Карпатскихъ горъ—Осипъ Федьковичъ). Только въ XX-мъ столѣтіи ґалицкая „народная“ партія откидываетъ старое, именно въ про-

стомъ галицкомъ крестьянствѣ популярное имя „руський" и замѣняетъ его сначала въ видѣ прибавки къ нему впереди ставившимся, а потомъ совершенно его вытѣснившимъ именемъ „україньский". Но прикрываясь традиціями имени поэта Шевченка, львовское ученое украинское „товарищество" совершенно не слѣдуетъ въ созданіи своего научнаго языка традиціямъ славнаго украинскаго поэта, писавшаго непосредственнымъ живымъ языкомъ крестьянства приднѣпровскаго края безъ тенденціознаго желанія отдалить его отъ русскаго литературнаго языка, а также и примѣру такихъ талантливыхъ самородковъ, какъ буковинскій гуцулъ Ѳсипъ Юрій Федьковичъ [1]).

Стремясь создать „украинскій" научный языкъ, львовскіе ученые украинской партіи умышленно избѣгаютъ совпаденій съ русской научной терминологіей и, порвавъ всякія традиціи и связи съ ученой, общей всей древнерусской письменности, терминологіей церковно-словянской, предпочитаютъ заимствовать, польскую терминологію, перемѣнивъ лишь польскіе звуки на украинскіе, или нѣмецкую; таковы: „ріжничка" (дифференціалъ) съ польскаго „różniczka" или „назвукъ" (начальный звукъ слова) съ нѣм. „Anlaut", „визвукъ" съ нѣмецкаго „Auslaut" и т. п., „пень" буквально переведенъ съ нѣм. „Stamm", между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ существуетъ старое слово „основа" (объ этомъ искусственномъ языкѣ галицкихъ ученыхъ, мало понятномъ не только нашимъ малороссамъ вообще, но и тѣмъ, которые считаютъ желательнымъ созданіе малорусскаго литературнаго языка, см. въ книгѣ проф. Т. Д. Флоринскаго „Малорусскій языкъ и „українсько-руський" литературный сепаратизмъ", (П. 1900).

Мы видимъ, такимъ образомъ, среди извѣстной партіи галицко-русской интеллигенціи стремленіе не только создать особый ученый и литературный языкъ, приспособленный для передачи научнаго мышленія, но и доказать его полную отдѣльность отъ созданнаго уже общерусскаго языка. Среди ученыхъ этого толка, однимъ изъ ярыхъ представителей котораго является со-

---

[1]) Его образная поэтическая рѣчь, близкая къ народной рѣчи нашей Малороссіи, отличается, однако, кое чѣмъ отъ послѣдней въ формахъ и словарѣ, но не въ смыслѣ отдаленія отъ древнерусскаго источника, а въ смыслѣ приближенія къ нему: въ образномъ языкѣ Федьковича мы встрѣчаемъ обороты, свойственныя древне-русскимъ лѣтописямъ, напр. частое употребленіе родит. времени („одного вечора", „одної днини", см. Львовск. изд. 1902, II, 87, 95).

ставитель новѣйшихъ грамматикъ, извѣстный филологъ Смаль-Стоцкій, возникаетъ даже совершенно нелѣпое съ научной точки зрѣнія стремленіе доказать *исконную самостоятельность* малорусскаго языка рядомъ съ великорусскимъ и другими словянскими [1]). Между тѣмъ правильная точка зрѣнія, доказанная нами выше, можетъ быть одна: *малорусскій и великорусскій языки —два родные брата, дѣти языка древне-русскаго до половины XII-го вѣка*, и каждый изъ нихъ можетъ быть сравниваемъ съ другими словянскими не самостоятельно, а лишь при посредствѣ возведенія къ языку прарусскому, который въ главныхъ чертахъ сохранился еще въ древнерусскомъ языкѣ до XII в.

Доказавъ *единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ*, мы должны сказать нѣсколько словъ и о томъ русскомъ языкѣ, который изучается въ русскихъ школахъ и который мы называемъ общерусскимъ. Именно его нерѣдко представители украинской самостоятельности умышленно или неумышленно смѣшиваютъ съ языкомъ великорусскимъ, что глубоко невѣрно. Если внимательно изучать русскіе говоры, то мы найдемъ иногда въ народномъ великорусскомъ языкѣ больше совпаденія съ народнымъ же малорусскимъ, чѣмъ съ русскимъ литературнымъ или общерусскимъ. Лишь господствующее произношеніе этого послѣдняго языка, обусловленное послѣдней стадіей его развитія на почвѣ средневеликорусской, приняло преимущественно великорусскій характеръ, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ особенности средневеликорусской народной рѣчи тождественны съ особенностями общерусскаго языка. Чтобы убѣдиться въ этомъ различіи, стоитъ сравнить съ общерусской рѣчью тѣ образцы говоровъ Московской г., которые помѣщены въ Хрестоматіи по великорусской діалектологіи Дурново и Ушакова (М. 1910), с. 124, 125 и слѣд.

Съ точки зрѣнія общерусскаго языка новѣйшей формаціи всякій мѣстный говоръ является „неправильнымъ“, „нечистымъ“, хотя-бы онъ носилъ замѣчательные слѣды древности и передавалъ точнѣе древне-русскія традиціи, чѣмъ нормированный „общерусскій“ языкъ. Этотъ послѣдній обязанъ своимъ образованіемъ не одному

[1]) См. рецензію акад. Е. Ѳ. Карскаго въ Русск. Филол. Вѣстникѣ 1914 г. № 2 (вып. 2-ой тома LXXI-го), стр. 635—640, на „Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache“ von St. von Smal Stockyi und Theodor Gartner“ (Wien, 1913). Подробнѣе разобраны доводы См. Стоцкаго и доказана ихъ несостоятельность въ статьѣ акад. А. А. Шахматова: „До питання про початок української мови“ (въ журналѣ „Украïна“ 1914, I, стр. 7—19).

какому нибудь нарѣчію, а созданъ усиліями культурныхъ дѣятелей изъ области разныхъ нарѣчій въ разныя эпохи русской исторіи. Онъ создавался путемъ невольныхъ соглашеній и уступокъ при живыхъ сношеніяхъ между собою верхнихъ слоевъ древне-русскаго общества, выросшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, среди различной діалектической обстановки, при чемъ сильное вліяніе на этотъ общій языкъ оказалъ языкъ древне-русской письменности—древне-церковно-словянскій, по своему происхожденію живой языкъ южно-македонскихъ словянъ IX-го вѣка, принадлежавшихъ къ той словянской вѣтви, которая нынѣ называется болгарской. Благодаря переводу священнаго писанія на этотъ языкъ словянскими апостолами Константиномъ и Меѳодіемъ, онъ сталъ церковнымъ и литературнымъ языкомъ у всѣхъ словянъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія, а частію и у словянъ католиковъ, получившихъ въ 1248 г. буллою папы Иннокентія IV-го разрѣшеніе на употребленіе словянскихъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ глаголической азбукой. Какъ выше упомянуто, этотъ общесловянскій литературный языкъ читался русскими грамотниками согласно съ ихъ собственнымъ въ соотвѣтствующихъ словахъ живымъ произношеніемъ, а потому мы находимъ изрѣдка уже въ древнѣйшихъ памятникахъ XI-го вѣка, каково Остромирово Еванг. 1056—57, чаще съ конца XI и въ памятникахъ XII-го в. замѣну буквъ, непонятныхъ для русскаго переписчика, буквами, соотвѣтствующими звукамъ русскаго яз. (постепенно исчезала буква юса большого и замѣнялась буквою оу, У, а буква юса малаго получила значеніе звука *а* послѣ смягченнаго согласнаго, буква *ѣ* иногда замѣнялась буквами *е* или *и*, а вмѣсто *е* въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно памятники южно-русскіе, стали употреблять *ѣ*). Такъ образовалась въ XI—XII в. русская редакція церковно-словянскаго языка. Этотъ языкъ былъ литературнымъ органомъ на Руси. На немъ писали всѣ серьезныя духовныя и свѣтскія произведенія: поученія, житія святыхъ, лѣтописи, при чемъ въ послѣднихъ лишь при описаніи событій народной жизни невольно проникала живая русская рѣчь въ значительной степени, но и она постоянно чередовала формы русскія съ южно-словянскими, что̀ и свидѣтельствуетъ о томъ, что и разговорная рѣчь грамотнаго населенія усваивала церковно-словянизмы. Замѣтимъ, что нынѣ фиксированный въ печатныхъ синодальныхъ изданіяхъ церковно-словянскій текстъ, являющійся общимъ для всѣхъ словянскихъ церквей восточнаго испо-вѣ

данія, нетождественъ съ древне-русской редакціей, которая съ XIV-го вѣка испытала очень много новыхъ вліяній и исправленій: съ конца XIV-го вѣка усилилось южнословянское вліяніе на русскую письменность, и русскія книги получили новые южнословянизмы, еще болѣе чуждые живому русскому языку, чѣмъ древніе; а въ XVII в. было радикальное исправленіе церковныхъ книгъ въ Москвѣ, при чемъ, съ одной стороны, были закрѣплены кое-какіе словарные сербизмы (пѣтелъ, коснѣти), съ другой, возстановлены нѣкоторыя особенности древнѣйшихъ текстовъ.

Параллельно съ исторіей русскаго церковнаго текста шла исторія живого русскаго языка. Появлялись произведенія на народномъ языкѣ въ XVI—XVII в.в. въ Литовской и Московской Руси (Евангеліе Тяпинскаго, Домострой, Библія Скорины и др.). Но русскій языкъ образованныхъ классовъ разныхъ городовъ рано могъ получать однообразный характеръ, соединяя съ общерусскими чертами и нѣкоторые заимствованные изъ письменности церковно-словянизмы. Такой общій разговорный языкъ уже въ древнее время XI—XII в. могъ существовать въ „матери городовъ русскихъ“ древнемъ Кіевѣ, гдѣ была постоянная смѣна княжескихъ дружинниковъ, благодаря удѣльно-вѣчевому строю и наслѣдованію князей не по прямой линіи. Изъ древняго Кіева этотъ языкъ, въ которомъ сглаживались діалектическія различія и выступали лишь общія всѣмъ говорамъ русскія особенности, переносился въ область суздальскую, Владиміръ на Клязьмѣ и далѣе въ Москву. Конечно, послѣ раздѣленія русскихъ земель на Московскую и Литовскую Русь, а въ особенности съ паденіемъ удѣльнаго строя, содѣйствовавшаго частымъ переселеніямъ, языкъ Московской Руси все болѣе отдалялся отъ языка Руси Литовской, которая послѣ соединенія съ Польшей начала воспринимать и полонизмы. Но вліяніе южнорусскихъ дѣятелей на Москву, на ея письменность, а черезъ посредство послѣдней и на живой языкъ высшихъ классовъ Москвы не прекращалось въ XVI-омъ, особенно же усилилось въ XVII-омъ столѣтіи, когда цѣлый рядъ кіевскихъ ученыхъ приносилъ свои произведенія въ Москву. Эти ученые и литераторы южно-русскіе (Мелетій Смотрицкій, Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій и друг.) въ XVII—XVIII стол., несомнѣнно, содѣйствовали притоку южнорусизмовъ (малорусизмовъ) въ русскую литературную и общерусскую рѣчь на сѣверѣ. Съ другой стороны, литературный русскій языкъ,

воспитавшійся на ц. словянской основѣ, постепенно все больше воспринимаетъ народныхъ русскихъ элементовъ разныхъ мѣстностей, что особенно усилилось послѣ дѣятельности Ломоносова, вносившаго много сѣверо-великорусскихъ народныхъ словъ и оборотовъ. Послѣ Ломоносова, освятившаго своимъ разсужденіемъ о стиляхъ доступъ народнаго языка въ литературу, послѣдній входитъ въ нее уже въ качествѣ господствующей стихіи въ произведеніяхъ И. А. Крылова, Пушкина, Грибоѣдова и еще болѣе писателей второй половины XIX-го в. Важно указать, что кромѣ великорусской рѣчи въ литературу и общерусскій языкъ продолжаетъ *проникать и малорусская* въ произведеніяхъ Гнѣдича, Гоголя, Кохановской, Данилевскаго и мн. др. Народный воронежскій поэтъ Кольцовъ, кромѣ внесенія народной южно-великорусской стихіи, имѣетъ кое-что и малорусское. *Такимъ образомъ, русскій литературный языкъ никоимъ образомъ не можетъ считаться исключительно великорусскимъ, не можетъ считаться вполнѣ великорусскимъ и общерусскій разговорный языкъ. Ясно, что русскій литературный языкъ есть общерусское достояніе.*

Б. Ляпуновъ.

Мартъ 1919 г.

Цѣна 1 р. 50 к.